

УДК 94(47+57)"16"

**КАПИТАН ВАЛЕНТИН РОСВОРМ:
ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ НИЖЕГОРОДСКИХ ИНОЗЕМЦЕВ В 20-х гг. XVII в.**

© 2016 г.

О.В. Скобелкин

Воронежский государственный университет, Воронеж

olegskob@mail.ru

Поступила в редакцию 01.12.2015

Рассматриваются два конфликта, которые произошли в 1626 г. между начальником нижегородских служилых иноземцев капитаном Валентином Росвормом, с одной стороны, и посадскими людьми Нижнего Новгорода и нижегородской «литвой» – с другой. Приводятся сведения о приезде В. Росворма в Московское государство, о его службе в России в 20–40-х гг. XVII в. и о размерах его жалованья на различных этапах службы.

Ключевые слова: Нижний Новгород, служилые иноземцы, 20-е годы XVII века, капитан Валентин Росворм.

Весной 1626 г. в Нижнем Новгороде произошел конфликт, одной из сторон которого был начальник нижегородских иноземцев капитан Валентин Росворм. К тому времени история нижегородских иноземцев насчитывала уже более полувека, поскольку эта группа населения города начала формироваться еще с 60-х гг. XVI столетия. В годы Балтийских войн второй половины XVI в. Нижний Новгород стал одним из русских городов, в которые депортировали жителей завоеванных ливонских территорий [1, с. 255], а также направляли пленных и перебежчиков, перешедших на русскую службу. В 1626 г. служилой «литвы» здесь было 112 человек [2, л. 272], а «немцев» в самом конце 1620-х гг. – более 120 человек [3]. По данным П.Г. Любомирова, в начале 20-х гг. XVII в. в городе была «старая немецкая слобода» [4, с. 6].

Капитан Валентин Росворм приехал в Россию в конце 1622 г. или в самые первые дни 1623 г. В русских документах его имя всегда писалось как «Фалентин», а фамилия передавалась по-разному (иногда в одном и том же документе): Росформ, Розформ, Росворм. Последний вариант наиболее точен; сохранилось «рукоприкладство» капитана: «V. Rosworm» [5, л. 414 об.]. Он был уроженцем какой-то из частей Империи, в терминологии той эпохи – «Цысарской земли». Каждого такого «выезжего» иноземца перед приемом на русскую службу обязательно несколько раз «расспрашивали» о его происхождении и службе до приезда в Россию, а также о международной обстановке [6–8]. К сожалению, столбец с «расспросными речами» Росворма, по-видимому, погиб во время так называемого московского большого пожара в мае 1626 г. – разыскать его не удалось. Един-

ственный документ, связанный с его приездом в Россию, – это память от 30 января 1623 г. в Казенный приказ (Казенный двор) дьякам Ждану Шипову и Булгаку Милованову. Поскольку подписана она дьяком Федором Степановым, который в 1621–1626 гг. служил в Разряде [9, с. 495], то именно этот приказ и был отправителем.

В памяти сообщалось, что Росворму назначена награда за приезд в Россию – так называемое жалование «за выезд», которое получали все иноземцы, приезжавшие на военную службу в Московское государство. Жалованье цесарца включало в себя «камку куфтерь, сукно лундыш, сорок соболей в 20 рублей» [10, л. 1]. Судя по помете на документе, Казенный двор выдал «10 аршин камки куфтерю червчатого по 30 алтын аршин; 4 аршина сукна лундышко сизового по рублю по 53 алтына по 2 деньги аршин; 40 соболей в 20 рублей». Обычно в состав такого жалованья входили и наличные деньги; но поскольку выдавались они из другого приказа (обычно из Большого Прихода), а документы об этой выплате не сохранились, мы не знаем, какую сумму получил цесарец.

В процитированной памяти на Казенный двор содержится также и другая важная информация: 31 января капитану предстояло «быти у государя у руки». Аудиенции у царя, тем более с целованием руки, устаивались очень немногие из приезжавших в Россию иноземцев. Кроме того, в документе говорится, что «государь <...> велел ему дати своего государева жалованья на приезде». Такая формулировка позволяет полагать, что камка, сукно и соболя попали сначала в Разряд, а затем, во время аудиенции во дворце, разрядный дьяк вручил их Росворму.

По-видимому, в Россию цесарец приехал с семьей и слугами. По крайней мере, весной 1628 г. документы фиксируют у него жену, детей (без указания пола и количества) и двух «человек» [11, л. 331 об.].

Ещё до приезда Росворма в Россию нижегородские кормовые иноземцы («литва» и «немцы») остались без начальника. «Были они преж сего приказаны ротмистру Назарью Соломанову», но тот был «отставлен в государеве опале» и из Нижнего Новгорода сослан «в смиренье» в свияжский Богородицкий монастырь. К сентябрю 1622 г. опального простили, вернули назад, но на прежний пост не назначили. Как писали нижегородские иноземцы в своей коллективной челобитной, «мы не приказаны никому», и просили снова назначить Соломанова ротмистром [12, л. 48, 49].

Была ли эта просьба выполнена, или возглавлять нижегородских иноземцев поручили кому-то другому, или же они по-прежнему не были «приказаны никому» – пока неизвестно. Но в «133-м» году (1624/25 г.) был «прислан в Нижней Новгород к иноземцом в головы капитан Фалентин Росформ» [2, л. 269]. Скорее всего, назначение состоялось в 1624 г., поскольку, как выяснили позже в Иноземском приказе, в «132-м» году (1623/24 г.) капитану было выдано из Большого прихода 20 руб. «на дворовое строенье», о чем была сделана соответствующая запись в окладной книге Иноземского приказа указанного года.

Подробности назначения Росворма на службу в Нижний неизвестны. Судя по аудиенции у царя и размерам жалованья «за выезд», его, казалось, должны бы были включить в состав так называемых «московских иноземцев» (служивших по «московскому списку»), которые по своему статусу были выше иноземцев «в городах». Но «московские иноземцы» в рассматриваемый период служили полковую службу, были расписаны по ротам, в каждой из которых был только один капитан или ротмистр [13–16], и, по-видимому, для «нововыезжего» капитана-цесарца там не нашлось места.

Из коллективной челобитной нижегородской «литвы», относящейся к весне 1626 г., известна лишь одна деталь назначения Росворма: решение поставить цесарца во главе иноземцев Нижнего было принято «по челобитью нижегородских немец Ивана Велмерова с товарищи» [2, л. 271]. (О персональном составе «немецкой» части нижегородских иноземцев см.: [3].) Трудно сказать, насколько верно, что именно желание «немцев» иметь во главе городских иноземцев также немчина сыграло роль в назначении Росворма. Здесь примечательно дру-

гое. В челобитной называется немчин, которого документы Иноземского приказа называют Анцем Андреевым сыном Велмеровым. Хотя упоминаний о его переходе в православие пока найти не удалось, надо полагать, что он был перекрещен и получил «русское» имя Иван. Он был кормовым иноземцем, имел поместный оклад в 250 четей, денежный – 14 руб., хлебный – по 13 четей ржи и овса [11, л. 357, 358 об.; 17, л. 462, 479]. По размерам оклада Анц (Иван) Велмеров занимал среди «немцев» положение более чем рядовое; не менее половины его товарищей имели бóльшие оклады. Однако, с точки зрения челобитчиков-«литвы», он был неформальным лидером «немецкой» части нижегородских иноземцев или, по крайней мере, некой инициативной группы из их числа, выступившей с просьбой о назначении Росворма.

Как все вновь приезжие, Росворм попал в категорию кормовых иноземцев. Ему с женой, детьми и слугами были назначены «кормовые деньги» в размере 13 алтын 2 деньги в день (0.4 рубля в день, или 12 руб. в месяц) «из нижегородских доходов» и ему же «с кабака» – «питье»: «по 4 чарки вина, по 2 кружки меда, по 4 кружки пива» в день. Поденное «питье» было назначено и двум его «людям» – «по чарки вина, по кружке пива человеку на день» [11, л. 331 об.; 18, л. 57; 19, л. 71].

Вне всякого сомнения, еще будучи в Москве и общаясь с другими служилыми иноземцами, Росворм должен был уяснить разницу между положением «московских иноземцев» и иностранцев, служивших городовую службу в провинциальных городах. Не исключено, что именно недовольство своим назначением и надежда на скорое возвращение в столицу (об этом – ниже) привели к тому, что в Нижнем Росворм повел себя так, что им оказались недовольны многие.

Судя по всему, конфликты с нижегородцами у нового головы иноземцев начались сразу же после приезда в город. (Здесь следует оговорить одну особенность сохранившихся документов: все они составлены на основании претензий нижегородцев; каких-либо документов, в которых бы излагалась позиция цесарца, разыскать пока не удалось.)

Первый конфликт произошел из-за того, что новый голова, в нарушение традиций, встал на постой «на <...> посадском лутчом дворе».

Весной 1626 г. староста Федор Марков от имени «нижегородцов посадских людей» подал челобитную с жалобой на Росворма: «И на том де <...> дворе стоит с тех мест и по ся места, а своего двора не поставит. И истеснение де <...> и обиду им, посадским людем, чинит великою,

и ночью с огнем ходит, и ести варит небережно. А прежде <...> сево иноземские головы по их посадцким дворам не стаивали, а стояли по своим и у своей братьи по иноземским дворам». Соответственно, староста просил, чтобы было отдано распоряжение «тово капитана Фалентина Росформа с их посадцково двора свести и поставити ему двор свой» [2, л. 269].

В ответ на эту жалобу Иноземский приказ направил распоряжение нижегородской администрации: «велети б капитану Фалентину Розформу купить или поставити двор свой; а в том <...> дворовом строенье дати б ему сроку на три месяцы; а как срок доидет, и ис тово <...> посадцково двора велеть свести и стоять ему на своем Фалентинове дворе». Об исполнении надлежало сообщить в Иноземский приказ. Нижегородские власти довели это распоряжение до сведения Росворма. Однако то ли капитан потратил деньги «на дворовое строенье», то ли решил сэкономить, но двора себе он и не купил, и «не поставил». Летом 1626 г., прийдя в съезжую избу, он объявил воеводе, что 1 июня «с посадцково двора съехал на неметцкой на Иванов двор Бернаря».

Об Иване Бернаре известно из документов весны 1629 г., связанных с его челобитьем о написании в службу, вместо Нижнего Новгорода, по московскому списку. (Заметим, что просьбу исполнили; решение было принято в 1629 г., а весной 1630 г. он уже числился в «немецкой» роте Дениса Фанвисина.) Себя он называл Иваном, однако в документах Иноземского приказа числился как Анц Иванов сын Бернарь. Следовательно, скорее всего, он перешел в православие и при переименовании получил имя Иван. Анц (Иван) Бернарь был, так сказать, потомственным иноземцем: по его собственным словам, «отец иво и он, Иван, породились на Руси, а дед иво взят был полоном, как воивал немцы блаженные памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси. И отец иво, Иван, будучи на Московском государстве, занемог и лежал болен. А родимцы де их в те поры жили в Нижнем Новгороде и по иным городом по поместьям. И отец де ево для тое болезни с Москвы съехал в Нижней к родимцом, и жил в Нижнем». В 1620/21 г. Бернарь-младший «бил челом государю о верстанье и для отца своего немочи ж поверстался с нижегородцкими иноземцы; и, поверстався, жил все в Нижнем». По верстанью Бернарю был назначен оклад «300 чети, денег 20 рублей, хлеба 20 чети ржи, овса тож». Как и другие кормовые иноземцы, в мирные 20-е гг. XVII в. он получал только половину жалованья: «ежелет по указанной статье денежново жалованья в полы иво

окладу 10 рублей да хлеба в полы ж иво окладу 10 чети ржи, овса тож» [20, л. 100–101]. Весной 1629 г. Иван Бернарь в Нижнем уже не жил, а переехал в столицу. Объяснял он это так: «Написан я <...> в нижегородцком служивом списке с иноземцы вместе, и мне <...> от тех иноземцов обида и налога великая и продажа. А <...> царьского жалованья поместейца и вотчинки за мною <...> в Нижегородцком уезде нет ни одной четверти. И я <...> живу здесь на Москве у родимцов своих, у Ондreja Оптокаря да у дяди своего Захарья, Оптокарского приказу перевотчика» [20, л. 99]. Из документа невозможно установить, как давно Иван Бернарь покинул Нижний. Вполне возможно, что в мае-июне 1626 г. он готовился к отъезду в Москву или уже уехал, и Росvorm смог воспользоваться его опустевшим двором.

Во время беседы в съезжей избе с воеводой Мироном Михайловичем Шаховским и дьяком Иваном Тимофеевым капитан Росvorm назвал и причину, по которой не хотел обзаводиться собственным двором: «а своево <...> двора, сказал капитан, ему в Нижнем не ставити, потому чае он себе из Нижнево <...> государевы службы» [2, л. 270]. Таким образом, царец рассматривал свою службу в Нижнем Новгороде исключительно как временную и надеялся на скорый перевод в Москву и, вероятно, на зачисление в категорию «московских немцев». Следует, правда, заметить, что для поместных иноземцев служба «по московскому списку» отнюдь не означала автоматического проживания в столице, поскольку как раз в Московском уезде иностранцев не испомещали (о географии поместного землевладения «немцев» см.: [21]). Однако часть таких помещиков жили всё-таки в Москве, и в Москве жили кормовые иноземцы «московского списка».

Параллельно с конфликтом по поводу места проживания, у «Цесарской земли» немчина Росворма возник и другой конфликт – с «литовской» частью нижегородских иноземцев. Не позже апреля 1626 г. «били челом <...> государю <...> нижегородцкие кормовые иноземцы старово и нового выезду литва Михалко Скибитцкой да Васка Гречина с товарищи и подали челобитную за руками» [2, л. 271]. Направленная в Иноземский приказ челобитная была подписана десятью людьми; помимо Скибитцкого и Гречины документы называют также «Петровсково попа Олексея» и литвина Ивана Жмуцко. За исключением священника, все остальные подписавшие были «литвой».

Перечень их претензий к капитану-цесарю был обширен. «...Им де, государь, от Фалентина Розформа продажа и изгоня чинитца великая –

хотел на них деньги править по гривне с чело- века, неведомо за што. И они де, государь, ему учили говорити: за што он на них деньги пра- вить? И он де, государь, их за то бил чаканом и, заперши их на дворе, велел немцом по них стрелять. И старово де, государь, выезду немцы ево не послушали, по них не стреляли. И взял де, государь, у них денщика послать куды для государева дела, и тот де, государь, денщик от него неведомо где делся. А прошает де, госу- дарь, он у них иново денщика, а им де, госу- дарь, взяти негде и нанять нечем. А из них де, государь, ништо к нему в денщики не идет, по- тому што он заставляет денщиков дров сечь и пива варить, и воду возить. А прежде, государь, сево у них тово не бывало. А бывали де, госу- дарь, у них преж сево в головах дворяня и ино- земцы в ротмистрех, и им де, государь, такой от них продажи и изгони не бывало. Да он же де, государь, Фалентин, их, литву, в тюрьму сажает и в железа кует, и пожелезное и пошлины емлет напрасно, и изгону чинит великую, а языка де, государь, они иво, Фалентинова, не знают, и судят их толмачи неправдою, норовячи своей братье немцом, потому што их одна вера, а во крестьянскую оне веру не крещены, а оне, лит- ва, все в православную крестьянскую веру кре- щены» [2, л. 271–272].

Просьба ж к властям была следующая: «велеть их ведать поручику Юрию Кулаковскому или кому-нибудь из их братьи, а капитану б <...> Фалентину ведать их, литву крещеных, не велеть».

Учитывая, что челобитная была подписана лишь небольшой группой «литвы», руководство Иноземского приказа направило нижегородским властям следующее распоряжение: «нижегородских кормовых иноземцев старово и нового выезду поляков и литву всех поставить перед собою и допросить их имянно всякого человека: все ли они <...> государю бьют челом, чтоб их капитану Фалентину ведать не велеть, а велети б их ведать и в ротмистрех у них быти Юрию Кулаковскому, или те литва, Скибитцкой с товарищи, бьют челом... государю безо всех их ведома» [2, л. 272]. Если выяснит- ся, что вся «литовская» часть нижегородских иноземцев выступает за назначение отдельного ротмистра для «литвы», то надлежало «имяна их и скаску велеть написать подлинно, да к той их скаске им всем руки свои приложить; а которые <...> грамоте не умеют, и в тех бы место отцом их духовным за всякого человека имянно руку приложить, чтоб ничье имя в прописи и не за рукою не было». После этого «сказку» с «рукоприкладствами» следовало отослать в Иноземский приказ, а воевода должен был назна- чить Ю. Кулаковского ротмистром «у литвы».

Нижегородский дьяк Иван Тимофеев должен был передать новому ротмистру «имянной спи- сок с окладных книг с поместными и з денежны- ми и с хлебными оклады <...> за своею рукою; и велети <...> ему, Юрию, литву пересмотрить всех налицо и ведати по <...> государеву ука- зу». После этого «литва» должна была выбрать для своей (теперь отдельной) роты поручика и прапорщика «меж собою <...> добрых, которых бы столько стало, и чтоб были не воры и не браж-ники, и воинское б дело было им за обычей, и са- мые б были лутчие люди». Разумеется, после это- го нижегородские администраторы должны были «капитану <...> Фалентину Розформу нижего- родских кормовых иноземцев литву вперед ве- дать не велеть, а велети б <...> ему ведать немец по прежнему <...> государеву указу».

5 мая 1626 г. нижегородские администрато- ры «нижегородских кормовых иноземцев ста- рого и нового выезду поляков и литву всех, ста- вля перед собою, допрашивали имянно всякого человека», и все они (всего 109 человек [2, л. 275, рукоприкладства – л. 276–283]) подтвер- дили свое желание («сказали по государеву ца- реву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси крестному целованью порознь») от- делиться и от капитана-цесарца, и от «немцев» вообще. В результате уездные власти «у ниже-городских <...> иноземцев старово и нового выезду у литвы велели быти в ротмистрех Юрию Кулаковскому», вручили ему список подчиненных, и документы о результатах до-проса со ста девятью подписями отослали в Иноземский приказ, «а капитану <...> Фален- тину Росформу нижегородских кормовых ино-земцев литву вперед ведать не велели».

Готовность, с которой руководство Инозем-ского приказа пошло на разделение нижегород-ских «немцев» и «литвы» на две разные роты с разными командирами, может объясняться, возможно, не только стремлением избежать конфликтов и столкновений между иноземцами и их недовольства политикой властей. К весне 1630 г. была произведена реорганизация «мос-ковских» иноземцев, в результате которой, в частности, были ликвидированы иноземские роты смешанного состава, и все «немцы» из них были зачислены в сугубо «немецкие» роты [16]. Надо полагать, что идея отделения западноев-ропейцев от прочих иноземцев возникла в кон-це 1620-х гг. Не исключено, что она появилась уже к моменту нижегородских событий, и в Нижнем была проведена своеобразная репети-ция будущей реорганизации.

Однако, на деле, с разделением нижегород-ских иноземцев на две отдельные роты с двумя начальными людьми далеко не все ясно. О

Юрии Кулаковском до его выбора и назначения ротмистром в мае 1626 г. в изученных мною документах сведений нет. В 1628 и 1629 г. он числится в роте Якова Рогановского как нижегородский помещик с окладом в 550 четей и 27 руб. [22, л. 285; 23, л. 26], т. е. служит уже по «московскому списку». (В списках иноземских рот предшествующих годов его имя не значится.) Поскольку списки иноземских рот составлялись весной, получается, что к весне 1628 г., т. е. через два года после своего назначения, он уже не был ротмистром нижегородской «литвы». С другой стороны, в августе 1629 г. была сделана запись о поденном питье несколькими офицерам-«немцам», в которой Росворм назван так: «что был в капитонех у нижегородских иноземцев, а ныне живет в Нижнем ж, выежжей Цысарские земли капитон Фалентин Росформ» [18, л. 57]; то есть о том, что цесарец возглавляет нижегородских «немцев», не говорится. В то же время, в 1630 г., когда капитан уже покинул Нижний Новгород, в одном из документов о нем сказано: «что был у нижегородских немец капитон» [24, л. 184]. Иными словами, на основании процитированных документов сложно сказать, кто и как долго занимал посты начальных людей у нижегородских иноземцев.

Осенью 1630 г., когда в Нижний прибыл вновь назначенный голова иноземцев Иван Тырков, в документах указывалось, что, во-первых, он сменяет на этом посту капитана Росворма (имя Ю. Кулаковского не упоминается вообще), а во-вторых, он должен возглавить и «в росправных их делех судом <...> ведати» всех нижегородских иноземцев – и «немцев», и новокрещенов, и «литву» [17, л. 454]. Таким образом, в 1630 г. никаких следов разделения нижегородских иноземцев на две группы (или роты) в документах, связанных со вступлением Тыркова в должность, нет. Означает ли это, что такое разделение было очень недолгим и к осени 1630 г. ушло в прошлое, или же, несмотря на воеводскую отписку мая 1626 г., оно так и не состоялось, – сказать трудно. Возможно, дальнейшие архивные находки помогут более детально воссоздать эту страничку истории нижегородских служилых иноземцев.

Что касается самого Валентина Росворма, то в январе 1630 г. его надежды наконец-то сбылись: капитана вызвали в Москву. (При этом свои кормовые деньги и «питье» он получил в Нижнем по июнь, а затем должен был получать жалованье уже в столице; в частности, кормовые деньги – из Большого Прихода [19, л. 71–73].) Более того, цесарец получил повышение: в своей челобитной весной 1630 г. он называет себя уже полковым поручиком [19, л. 70] (т. е.

подполковником). Правда, тогда он был еще без места: в одном из документов он значится под рубрикой «Немцы з больших статей кормы дают им большие, а на службе нигде не бывали и в роты к полковником не росписаны» [24, л. 184]. Речь здесь идет о новых иноземских ротах, которые как раз в это время начали формироваться из нанятых за границей западноевропейских военных. Обязательной процедурой приема на службу приезжих иностранцев был опрос «знатцев», которые могли бы подтвердить те сведения, которые приезжий сообщал о себе. Валентин Росворм, в числе других иноземцев, тоже выступил в такой роли в Разряде, поскольку в одной из групп приезжих были уроженцы «Цысарские земли» [5, л. 413–414].

К началу 1632 г. Росворм был уже полковником, возглавил один из формирующихся полков, и в подчинении у него были подполковник, майор, квартирмейстер и капитан. В январе и апреле он получал на Казенном дворе готовые знамена и ткань для знамен для себя и своих офицеров [25, л. 1–2; 26, л. 1–2]. Имеется запись о выдаче «немецким начальным людем» шести полков на июль месяц (по-видимому, 1632 г.) кормовых денег; в «Фалентинов полк Росворма» был выдан 1601 рубль [27, л. 17] Это был один из четырех первых солдатских полков в России [28, с. 38]. Спустя девять лет, в начале 1641 г., Росворм все еще оставался кормовым иноземцем и значился драгунского строя полковником в числе иностранных офицеров, не поверстанных поместными и денежными окладами [29, л. 118]. Его жалованье составляло 20 руб. в месяц, то есть на 8 руб. в месяц больше, нежели он получал в Нижнем Новгороде, возглавляя нижегородских иноземцев.

Список литературы

1. Опарина Т.А. Проблема депортаций ливонских пленников в Россию // Балтийский вопрос в конце XV – XVI в. М.: Квадрига, 2010. С. 239–268.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 1020.
3. Скобелкин О.В. Нижегородские «немцы» в конце 20-х гг. XVII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4. С. 212–216.
4. Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 342 с.
5. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 45.
6. Скобелкин О.В. «Вести» иноземцев, прибывающих на военную службу в Россию (1610–1620-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32). С. 80–83.
7. Скобелкин О.В. Прием «выходцев на государево имя» в XVI – начале XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сб. материалов конф. 2002–2004 гг. М., 2006. С. 7–17.

8. Скобелкин О.В. «Распросы» выезжих иноземцев в Посольском приказе в 10–20-х гг. XVII в. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 6. С. 122–127.
9. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
10. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 811.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Книги Московского стола. № 40.
12. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1622 г. Д. 35.
13. Скобелкин О.В. Рота «бельских немцев» на службе в Украинном разряде // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 177–183.
14. Скобелкин О.В. Рота Дениса Фанвисина на службе в Украинном разряде // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 163–167.
15. Скобелкин О.В. Рота Петра Гамолтова в 1625–1630 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 2. С. 113–120.
16. Скобелкин О.В. Служилые «немцы» смешанных рот в 1625–1630 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 50–59.
17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 855.
18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 902.
19. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 1054.
20. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 905.
21. Скобелкин О.В. Размещение поместного землевладения служилых «немцев» в 20-х – начале 30-х гг. XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2006. № 1. С. 95–101.
22. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 903.
23. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 1139.
24. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 801.
25. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1873.
26. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2000.
27. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 904.
28. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1556–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.
29. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 166, столпик 5.

**CAPTAIN VALENTIN ROSWORM.
SOME EPISODES OF NIZHNI NOVGOROD OUTLANDERS' LIFE IN THE 1620s**

O.V. Skobelkin

The article studies two conflicts (both occurred in 1626) between captain Valentin Rosworm, chief of Nizhni Novgorod outlanders in military service, for the one part, and the city's townsmen along with «Litva», for the other part. Information about Rosworm's arrival in Muscovy, his service in Russia (from 1620s to 1640s), his salary at different stages of his service is provided.

Keywords: Nizhni Novgorod, outlanders in military service, 1620s, captain Valentin Rosworm.

References

1. Oparina T.A. Problema deportacij livonskih plenikov v Rossiju // Baltijskij vopros v konce XV – XVI v. M.: Kvadriga, 2010. S. 239–268.
2. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (dalee – RGADA). F. 210. Op. 9. Stolbcy Moskovskogo stola. № 1020.
3. Skobelkin O.V. Nizhegorodskie «nemcy» v konce 20-h gg. XVII v. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2011. № 4. S. 212–216.
4. Lyubomirov P.G. Oчерк istorii Nizhegorodskogo opolcheniya 1611–1613 gg. M.: Gos. soc.-ehk. izd-vo, 1939. 342 s.
5. RGADA. F. 210. Op. 13. Stolbcy Prikaznogo stola. № 45.
6. Skobelkin O.V. «Vesti» inozemcev, pribyvayushchih na voennuyu sluzhbu v Rossiju (1610–1620-e gg.) // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2011. № 3 (32). S. 80–83.
7. Skobelkin O.V. Priem «vyhodcev na gosudarevo imya» v XVI – nachale XVII veka // Inozemcy v Rossii v XV–XVII vekah: Sb. materialov konf. 2002–2004 gg. M., 2006. S. 7–17.
8. Skobelkin O.V. «Rassprosy» vyezhhich inozemcev v Posol'skom prikaze v 10–20-h gg. XVII v. // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2011. № 6. S. 122–127.
9. Veselovskij S.B. D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv. M.: Nauka, 1975. 607 s.
10. RGADA. F. 396. Op. 1. D. 811.
11. RGADA. F. 210. Op. 6. Knigi Moskovskogo stola. № 40.
12. RGADA. F. 141. Op. 1. 1622 g. D. 35.
13. Skobelkin O.V. Rota «bel'skih nemcev» na sluzhbe v Ukrainnom razryade // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 2013. № 2. S. 177–183.
14. Skobelkin O.V. Rota Denisa Fanvisina na sluzhbe v Ukrainnom razryade // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 2012. № 1. S. 163–167.
15. Skobelkin O.V. Rota Petra Gamoltova v 1625–1630 gg. // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo

universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 2015. № 2. S. 113–120.

16. Skobelkin O.V. Sluzhilye «nemcy» smeshannyh rot v 1625–1630 gg. // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 2015. № 3. S. 50–59.

17. RGADA. F. 210. Op. 9. Stolbcy Moskovskogo stola. № 855.

18. RGADA. F. 210. Op. 9. Stolbcy Moskovskogo stola. № 902.

19. RGADA. F. 210. Op. 9. Stolbcy Moskovskogo stola. № 1054.

20. RGADA. F. 210. Op. 9. Stolbcy Moskovskogo stola. № 905.

21. Skobelkin O.V. Razmeshchenie pomestnogo zemlevladeniya sluzhilyh «nemcev» v 20-h – nachale 30-h gg. XVII v. // Vestnik Voronezhskogo gosu-

darstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 2006. № 1. S. 95–101.

22. RGADA. F. 210. Op. 9. Stolbcy Moskovskogo stola. № 903.

23. RGADA. F. 210. Op. 9. Stolbcy Moskovskogo stola. № 1139.

24. RGADA. F. 210. Op. 9. Stolbcy Moskovskogo stola. № 801.

25. RGADA. F. 396. Op. 1. D. 1873.

26. RGADA. F. 396. Op. 1. D. 2000.

27. RGADA. F. 210. Op. 9. Stolbcy Moskovskogo stola. № 904.

28. Malov A.V. Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachal'nyj period svoej istorii. 1556–1671 gg. M.: Drevlekhranilishche, 2006. 624 s.

29. RGADA. F. 210. Op. 9. Stolbcy Moskovskogo stola. № 166, stolpik 5.